

Маслов В.П.

Солженицын и Февральская революция

В истории, как и в математике, важна точность

Прошло 90 лет от начала Февральской революции. Кажется, можно на свою историю и на тех людей, которые ее делали, посмотреть со стороны, непредвзято, не с точки зрения сегодняшнего менталитета. Мы же не будем, читая полемику между Цицероном и Марком Антонием, судить с позиций нашей современной идеологии о том, что лучше – единовластие или демократия. Кроме того, нельзя с точки зрения современной морали или политики осуждать деятелей прошлых времен, например, Стеньку Разина за то, что он утопил персиянку.

Тем не менее так поступает вдумчивый политолог В.А. Никонов. Сегодня стоит вопрос о назначении губернаторов. Никонов осуждает кн. Г.Е. Львова за то, что он говорил, что губернаторов надо выбирать, и якобы от этого и произошли все последующие несчастья. Кстати, только говорил, но на самом деле всех назначал. Так что эти слова ничего не изменили.

А.И. Солженицын в своих «Размышлениях над Февральской революцией» («Российская газета», 27.02.07 г.) также приводит эти слова Г.Е. Львова. Но он заглядывает еще «глубже в нашу историю». Он начинает искать виновников Февральской революции издалека и приходит, как Евгений из «Медного всадника», к фигуре Петра Великого. Царь Петр Первый, по словам Солженицына, «топтавший народную душу», «создал в северо-западном уголке страны свое сумрачное творение». А что же делать с теми, кого «сотворило», в свою очередь, это «сумрачное творение», с людьми, которых породил Петербург, с замечательными петербуржцами, ленинградцами? Натравливать на Петербург, будить такие инстинкты, выпускать такого джина из бутылки ни в коем случае не следует.

Возвращаюсь к революции. Я читаю протоколы Государственной Думы II, III и IV созыва с огромным наслаждением, как когда-то читал Цицерона. Сколько ума, какие речи, какие адвокаты с разных спорящих между собой сторон. Цвет русского ораторского искусства, блеск мысли, острота реакции, отточенность аргументов. Никто не «запутлялся», по выражению Солженицына. И я читаю эссе Солженицына о Февральской революции, полное ненависти ко всем членам Думы, спотыкаясь на каждой фразе, с огромным трудом продираясь через слова к смыслу.

Итак, начнем с Протопопова – *«психопатического болтуна, луна, истерика и труса»*, как его назвал Солженицын. Протопопов был заместителем (товарищем) председателя Думы и прекрасно выступал на заседаниях. Но когда он познакомился с Григорием Распутиным, то тот его как бы загипнотизировал. Царь также обладал обаянием, усиленным его званием. Как писал Маяковский: *«Дух займет даже если просто главный, а царь не просто всему глава, а даже двуглавый»*.

И то, что Протопопов стал вторить всей кликушествовавшей команде, это было существенное изменение в его идеологии, и мы ни в коем случае не должны вменить в вину людям перемену их взглядов.

Люди меняются, и меняется их мировоззрение, особенно во время революций и войн. Например, «рыцарь монархии», как его называет Солженицын, и чуть ли не единственный, кому он дает положительную оценку, Лев Александрович Тихомиров, сначала был главным теоретиком терроризма в «Народной воле», осуществившей убийство Александра II. Этот *«главный организатор всех злодеяний революционеров»* (из полицейской характеристики) эмигрировал и через 7 лет написал Александру III прошение о помиловании. Вернувшись, он стал глубоким теоретиком монархизма. Эту деятельность в дальнейшем, написав новое покаянное письмо 8 марта 1917 года, он сам охарактеризовал так: *«Я не сделал ничего и разбит по всем пунктам»*. В советское время его, как одного из старейших революционеров, устроили в ЦКУБУ (Комитет содействия ученым), и он дожил до старости. Это был типичный представитель мечущейся русской интеллигенции, гениально предсказанный Достоевским.

Сам Александр Исаевич в первоначальном замысле романа о революции воспринимал революцию с марксистско-ленинских позиций. И, как мы видим, свою позицию существенно изменил.

Обратимся к другим лицам. Генерал С.С. Хабалов, по словам Солженицына, *«полудреmlующее бревно, бездарный, безвольный, глупый»*, был на самом деле одним из самых разумных наказных атаманов Уральского казачьего войска и пользовался большим авторитетом. Казаки его называли «наш черкес». Позднее он был назначен командующим войск Петроградского в.о. Царь приказывал за один день устранить беспорядки, т.е. стрелять в народ. Но казачество в это время уже отказывалось стрелять в народ. Солженицын сетует о том, что не позвали на помощь юнкеров. Да, Хабалов не приказал выйти на борьбу учащимся военных училищ (спасибо Сергею Семеновичу, мой дядя как раз заканчивал Михайловский артиллерийский кадетский корпус).

Солженицын упрекает юнкеров, ставя им в пример испанцев. Что это за нынешняя манера за примером обращаться к Западу? Ведь в конце октября русские юнкера вышли на бой и были убиты. А. Вертинский в известной песне после этих событий спрашивает: *«Кто послал их на смерть недрожжащей рукой?»*. И у Солженицына рука не дрожала, когда он это писал. Наоборот, в его эссе это самый эмоциональный абзац. Приведу его.

«Молодёжь из военных училищ? – её не позвали на помощь ... – но, заметим, училища и не ринулись сами, как бессмертный толедский Альказар 1936 года. В феврале 1917 никто у нас не пытался устроить русский Альказар ... ни в каком училище. В Николаевском – было движение, но не развилось».

К кому этот призыв? Кто-нибудь знает, что такое «толедский Альказар»? Да, знают те, кто праздновал в 2006 году 70-летие Альказара – юбилей восстания в Толедо курсантов военного училища, размещавшегося в древнем замке Альказар, в котором в борьбе с правительством Испании погибли мальчики, выступившие на стороне национал-патриота генерала Франко, поднявшего мятеж при поддержке Гитлера и Муссолини. Так что ясно, кто может откликнуться на призыв «устроить русский Альказар».

«Устроят», а потом сам же Солженицын или его потомки будут горько жалеть, как это часто бывает.

Далее Солженицын пишет: *«... агитаторы камнями и угрозами насильственно гнали в забастовку рабочих оборонных заводов – ... но ни один ... не расстрелян»*. Напрасные упреки: если бы таковые «агитаторы с камнями» нашлись, то охрана оборонных заводов, безусловно, стала бы в них стрелять.

Теперь о Николае II. Характер человека более рельефно проявляется в сложных для него ситуациях. У меня с детства вырисовался образ царя Николая II по рассказам близкого друга нашей семьи – дяди Саши, сына лейб-медика двора Льва Васильевича Попова. Тот провел целый месяц у постели Николая, когда он был тяжело болен воспалением легких в Крыму, и вылечил его. Этот же образ поддерживался рассказами Александра Федоровича Керенского о царе в то время, когда царь и его семья были арестованы. Александр Федорович был просто очарован царем.

«Слабый царь, он предал нас», – утверждает Солженицын. Кого это «нас»? И неверно: он не был слабым, он не подчинялся царице и Распутину, а твердо верил в свое завещанное ему от отца предназначение быть самодержцем, а царица, как всякая жена, лишь поддерживала в нем это твердое убеждение.

Несмотря на возражения всех сановников, он совершенно правильно поддержал Витте и ввел золотой червонец – великий акт! Он не внял Распутину, который телеграфировал ему, наказывая ни под каким видом не начинать войну. Он ее начал. Хотя, возможно, на этот раз Распутин и был прав, но это противоречило бы идеологии и принципам Николая.

Однако не было никого, абсолютно никого из его окружения, кроме царицы, Вырубовой, Фредерикса, а из генералов кроме графа Келлера, кто бы разделял его идеологию. Вырубова вспоминала: *«Я глубоко сознавала и чувствовала во всех окружающих озлобление к тем, кого боготворила, и чувствовала, что озлобление это принимает ужасающие размеры...»*. В чем дело? А дело в том, что патриархальная идеология тормозила стихийно и стремительно набирающую обороты рыночную экономику. (См. И.В. Стародубровская, В.А. Мау. Великие революции – От Кромвеля до Путина. – Изд. 2, М.: Вагриус, 2004.)

Получалась, действительно, ситуация, о которой говорят: «вся рота шла не в ногу, а один ефрейтор – в ногу». Кроме маленькой компании, состоящей из *«нескольких офицеров-москвитцев, самокатного батальона»* «никто в Петрограде не отличился защитой трона». (Добавлю: эти люди захватили Зимний дворец, но комендант дворца выпроводил их. Тогда они, редая по дороге, направились в Адмиралтейство. Морской министр И.Д. Григорович их также выпрово-

дил, и они разошлись по казармам.) Поэтому царь ничего не мог сделать, и нельзя говорить, что он предал «нас».

Итак, если «вся рота идет не в ногу, один ефрейтор – в ногу», то что – мы будем разбирать каждого рядового и ругать его за то, что он шел не в ногу? *«Казаки изменили правительству»*, – возмущается Солженицын, тогда как правительство изменило казакам. Поскольку Солженицын написал исследование и по роману «Тихий Дон», то, казалось бы, он должен был это почувствовать. Впрочем, в том исследовании также перевернуто всё наизнанку, и сейчас уже строго доказано, что оно совершенно неверно и ошибочно.

Далее. О главнокомандующем Великом князе Николае Николаевиче Солженицын пишет, что он показал себя *«таким же дутым глупцом, как и Родзянко»*. Николай Николаевич пользовался большим авторитетом как у генералов, так и у солдат. Последние ласково называли его «Микола». В эмиграции часть монархистов (так называемая «Белая Русь») примкнула к нему, предпочтя его, а не законного наследника Кирилла Владимировича. Среди людей, преданных Николаю Николаевичу, был, в частности, и Кутепов, о котором Солженицын отзывается как раз чрезвычайно положительно.

М.В. Родзянко, председатель III и IV Государственной Думы, монархист, «столыпинец», горячо поддерживал реформы Столыпина, которого также превозносит Солженицын. М.В. Родзянко правильно чувствовал ситуацию и совершенно точно предсказывал приближение катастрофы. Он блестяще сумел вовремя на короткое время взять под уздцы и приостановить лошадь, которая понесла. Иначе в образовавшемся хаосе власть взяли бы люди с идеологией выдающихся русских анархистов Бакунина, Кропоткина, Махно. За дальнейший развал он не отвечал, поскольку премьер Г.Е. Львов вышел из-под его контроля.

Далее. Солженицын учит задним числом, что надо было делать: например, Алексеев должен был *«по телеграфу продиктовать Петрограду ультиматум – и даже не возникло бы малой междоусобицы, цензовые круги присмирели бы тотчас, разве похорохорился бы недолго Совет депутатов, перед тем как разбежаться»*.

Он как бы заглядывает в душу всем деятелям. Керенский *«поехал в Москву и произносил красивые слова о милосердии, а в самом червилось спиралью огненно-революционное нетерпение: доказать на следствии измену царя и затем судить его – какая будет крылатая аналогия с Великой Французской!»*

На самом деле Керенский не собирался судить царя. Он спасал кого мог от озлобленного народа, в том числе пытался переправить семью царя в Англию к его близким царствующим родственникам, но те в последний момент неожиданно отказали в приеме, испугавшись раздражения собственного народа.

Продолжу галерею портретов членов Думы и министров, написанных Солженицыным: историк профессор Милюков – *«окаменелый догматик, засушенная вобла, не способный поворачиваться в струе политики»*; финансист Гучков – *«усталый и запутлявший»*; адвокат Керенский – *«арлекин, не к нашим кафтанам»*; профессор Некрасов – *«зауряд-демагог, и даже как интриган – мелкий»*; финансист Терещенко – *«фиглявистый великосветский ухажер»* – и финансист Коновалов – *«тёмные лошадки тёмных кругов»*; журналист Владимир Николаевич Львов – *«безумец и эпилептик»*; приват-доцент Годнев – *«тень человека»*; аграрник, ректор МГУ, профессор Мануйлов – *«шляпа, не годная к употреблению»*; *«достоин уважения один только Шингарёв ... – да и тот ... – круглый дилетант»*.

Ну прямо Гоголь! Отличные ярлыки для министров и членов Думы в правительственной газете. Воспользуется ли ими в дальнейшем кто-нибудь?

Большинство членов Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований Российской академии наук высказали мнение, в устной или письменной форме, что работа Солженицына не является научным трудом. Она, как я писал в «Российской газете» (10 марта 2007 г.), никакого отношения к исторической науке не имеет, а выражает лишь субъективное мнение впечатлительного человека.

Чтобы помочь математическому моделированию исторических процессов, ученым нужно изучать статистику волнений и бунтов, образование разрозненных маленьких вспышек недовольства, а также статистику экономических трендов в революционные периоды (см. упомянутую выше работу И. Стародубровской и В. Мау).